

Эти слова были настолько живыми, что рождали в воображении целые картины, согретые нежностью времени, словно встретившийся в метели огонь, согревающий с головы до ног и заставляющий сердце стремиться к этому.

Особенно «та ветка сливы». Все детали были перечислены, но почему об этой ветке не сказано ни слова? Словно никаких подсказок и не нужно — стоит лишь произнести эти четыре иероглифа, и человек сам вспомнит ту картину.

Словно это было сокровенное мгновение, понятное лишь Гу Тину.

Словно всякий раз, когда Гу Тин занимался этими делами, рядом с ним стоял кто-то. Кто-то мягкий, с тёплым взглядом, кто потакал его капризам, поддерживал его пристрастия, сопровождал в его шалостях, чей взгляд всегда был устремлён на него, полон заботы.

«Та ветка сливы ждёт тебя». Но говорилось здесь не о сливе, а о...

«Я, стоящий под сливой, жду тебя.

Я скучаю по той ветке сливы и скучаю по тебе».

Какие скрытые и изысканные слова. Кажется, ничего не сказано, но на самом деле сказано всё.

Гу Тина чуть не стошнило.

Этот человек по-прежнему виртуозен. Прошлый опыт, скрытый смысл фраз — другим, быть может, не понять, но он-то понимал слишком хорошо. В прошлой жизни именно так Цзян Муюнь и одурачил его, заставив поверить во взаимную любовь, в то, что можно доверить друг другу жизнь, что ради Цзян Муюня он готов отдать свою.

И не только его. С помощью этой неясной, глубокой привязанности Цзян Муюнь опутал не одного человека. Те же самые слова, не меняя ни иероглифа, он мог сказать другому. Гу Тин думал, что он особенный. Все, кого обманывал Цзян Муюнь, думали, что они особенные...

Слово «особенный» не было ошибкой. Все эти люди либо были из знатных или богатых семей, либо сами отличались умом, способностями, обладали каким-то мастерством. На обычных, ничем не примечательных людей Цзян Муюнь и внимания не тратил.

Сеть связей, сплетённая Цзян Муюнем с помощью «глубоких чувств», принесла ему неисчислимые выгоды. Часто ему даже не нужно было говорить прямо — стоило лишь слегка показать озабоченность, обеспокоенность каким-то делом, как другие сами предлагали помощь.

Размышляя об этом, Гу Тин вдруг задумался: Цзян Муюнь не был глупцом. В прошлой жизни он достиг поста министра чинов, стал самым ценным учеником канцлера, его преемником, участвовал во всех важнейших государственных делах, а в конце концов и вовсе мог влиять на всю политическую ситуацию в стране. Одной лишь мужской красотой до такого не дойти. Цзян Муюнь шёл к этому благодаря глубоким расчётам. Зачем же тогда, будучи таким искусным игроком, ему нужно было обманывать людей, используя свою внешность? Неужели это самый простой, дешёвый и быстрый путь?

Но, будучи глупцом всю прошлую жизнь, сейчас он не намерен повторять ошибок.

— Почему я люблю вяленое мясо, а не оленину? Почему люблю хурму, а не груши или мандарины? Почему могу лишь рыбачить, пробивая лёд, а не попросить рыбу на кухне? — Гу Тин усмехнулся. — Другие могут не знать, но ты-то должен знать?

Ведь он — незаконнорождённый сын, всеми обижаемый в семье. Кто по-настоящему мог понять, какова его жизнь?

Гу Тин сделал шаг вперёд, и во взгляде его вспыхнуло глубокое отвращение:

— Если ты так обо мне заботился, почему лишь сопровождал меня, а не делился со мной своей едой и одеждой?

Почему не отдавал мне свои деньги?

Красивые слова может сказать каждый. А вот по-настоящему заботливые поступки — нет.

Он до сих пор помнил те последние дни перед смертью. Он умирал, все знали, что спасения нет. С Хо Янем он не был близок. Но Хо Янь был готов отдать ему всё самое лучшее. Не из-за любви или ненависти. Без сладких, тёплых взглядов, без утешительных речей. Просто у некоторых людей есть свои принципы и вера, которую они отстаивают.

— Твои слова заставляют меня краснеть от стыда, — выражение лица Цзян Муюня стало ещё более скорбным. — В конце концов, я ношу фамилию Цзян, а не Гу. В семейные дела Гу... как могу я вмешиваться?

Цзи Ци, стоявший рядом, насвистывая, с интересом посмотрел на Хо Яня:

— Ваше сердечное сокровище, однако, популярный товар.

Прямо-таки рога наставили, ха-ха-ха!

Цзян Муюнь был крайне чувствителен к делам сердечным. По одному лишь слову, одному лишь взгляду он уже понял ситуацию. Взглянув на Хо Яня, он вновь обратился к Гу Тину, и взгляд его наполнился разочарованием:

— Ты... как мог так опуститься? Даже если разочарован в мире, не стоит так отчаиваться. Ты ведь хотел попасть к князю-Стражу Севера—

Гу Тин мгновенно прервал его:

— Куда я хочу пойти, с кем хочу быть — разве это твоё дело?

Брови Цзян Муюня сдвинулись ещё сильнее.

В прошлом между ними не случалось крупных ссор. Даже если у Гу Тина и были сомнения, даже если он не выбрал его, не должно было быть такой резкости. Что же произошло?

Но Гу Тин не желал больше продолжать этот разговор. Один лишь вид этого лица вызывал у него тошноту. Да и ситуация сегодня была особой — нельзя было позволить ему всё раскрыть. Он тут же повернулся к Хо Яню:

— Господин, вы только посмотрите — он меня обижает!

Хо Янь приподнял бровь. Его взгляд скользнул по лицу Гу Тина и остановился на руке,

обхватившей его руку.

Мягкая, белая, довольно маленькая, словно нежный тофу — кажется, сожмёшь, и рассыплется.

Помедлив, он неспешно спросил:

— Знакомый?

Гу Тин холодно скользнул взглядом по Цзян Муюню:

— Просто знаю. Не то чтобы близко.

Хо Янь произнёс: «А», — словно потеряв интерес.

Рука Гу Тина, обхватывавшая его руку, вдруг впилась в неё ногтями. Взгляд его стал угрожающим, губы зашевелились беззвучно: «Разберёшься с ним? Нет — я тебя разоблачу».

Хо Янь высоко поднял бровь: «Я тебе помог, а ты мне так платишь?»

Пальцы Гу Тина заболели от усилия. Он с досадой подумал, как этот человек умудрился накачать такие твёрдые мышцы!

Но сдаваться в битве настроений он не собирался. Высоко подняв подбородок, он сверкнул глазами: «Я тебя просил? Сам сделал выбор — сам и расхлёбывай последствия!»

Пока они обменивались безмолвными репликами, Цзи Ци, занятый делами, не стал ждать и обратился к Цзян Муюню:

— Ты заплатил немалые деньги, чтобы найти меня. Зачем?

Цзян Муюнь сложил руки в почтительном жесте:

— По правде говоря, я в затруднительном положении и надеюсь, что седьмой господин выручит меня. Заплатил же я так много потому, что... недавно потерял одного человека. Он должен быть в этом заведении, но я не могу его найти. Если седьмой господин сможет помочь, цена не станет помехой.

Цзи Ци сузил и без того узкие глаза:

— Кого потерял?

— Мальчика, фамилия Мэн. А—

Не успев договорить, Цзян Муюнь вскрикнул от боли, и тело его отбросило в сторону.

Оказалось, Гу Тин и Хо Янь закончили свой безмолвный спор, и Хо Янь нанёс удар.

Цзян Муюнь с силой ударился о дверь, медленно сполз по ней на пол и долго не мог подняться, выплюнув кровь.

Эта сцена...

Гу Тин наблюдал за ней с невероятным, ликующим восторгом.

Какое облегчение!

Никакая месть не могла сравниться с этим ударом!

В прошлой жизни почему он не додумался просто избить этого человека, заставить его кровь и слёзы брызнуть во все стороны? Вот упущение!

Цзян Муюнь был умен, умел оценивать обстановку. Он вращался среди множества людей, не попадая впросак, и умение читать ситуацию было его сильной стороной. Теперь, поняв, что Гу Тин опасен, что тот не станет церемониться, вряд ли он станет легко приближаться к нему в будущем.

Промелькнувшая мысль заставила Гу Тина захлопать в ладоши, глядя на Хо Яня сияющими глазами:

— Вау, господин, вы великолепны! Этот удар был просто потрясающ!

Похвала эта не была фальшивой. Князь-Страж Севера стал легендой в сердцах людей не просто так. Даже обычный удар демонстрировал его стать — стремительный, мощный, несущий в себе силу ветра и грома, чистый и красивый, полный мужской силы и грации. Как можно было не восхищаться?

Хо Янь неспешно опустил руку:

— Мало что видел.

Цзян Муюнь с трудом поднялся. Глядя на Гу Тина, он не мог скрыть потрясения:

— Как ты мог...

Перед ним встала широкая спина мужчины с густой бородой, заслонив Гу Тина.

— Держись от моего человека подальше.

Взгляд Хо Яня был тёмным, как небо перед бурей, — опасным и безмолвным:

— Если повторится — будет не просто удар.

Цзян Муюнь был ошеломлён.

Гу Тин — ещё больше.

С детства, за всю прошлую жизнь, у него никогда не было подобного опыта. Всё, чего он хотел, приходилось добывать самому, бороться за это. Не было никого, кто бы просто поверил ему, помог ему, вступился за него.

Конечно, этот удар был вынужденным, он его выторговал. Но эти слова он не просил произносить.

Спина Хо Яня была такой широкой. Стоя перед ним, он словно заслонил весь свет, и, казалось, мог заслонить от любой опасности.

Но...

Почему ты мне поверил?

— Гу Тин! Если у тебя есть претензии — обращайся ко мне!

Невесть откуда взявшийся Гу Цинчан подхватил Цзян Муюня и, скрежеща зубами, закричал:

— Чем брат Цзян провинился перед тобой? Ты несколько раз признавался ему в чувствах, а он, щадя твоё самолюбие, даже не отказал тебе прямо! Более заботливого отношения и представить нельзя! Как ты мог так с ним поступить!

Гу Тин усмехнулся:

— Именно потому, что хотел отказать, но не отказал, это и раздражает.

<http://bllate.org/book/16279/1465959>